
РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

Маньковский А.В. *

РЕЦЕНЗИЯ НА КН.:
**ЛЕВИНГ Ю. ПОЭЗИЯ В МЕРТВОЙ ПЕТЛЕ :
(МАНДЕЛЬШТАМ И АВИАЦИЯ). –**
Москва : Бослен, 2021. – 224 с. : ил.

Получена: 19.04.21

Принята к печати: 15.05.21

*Mankovskiy A.V.
Book review:*

***Leving Y. Poetry in a dead loop : (Mandelstam and aviation). –
Moscow: Boslen, 2021. – 224 p.: ill.***

Received: 19.04.21

Accepted: 15.05.21

Новая книга русско-канадского набоковеда, исследователя поэтики русского урбанизма и, в частности, «авиационного текста» (АТ) русской поэзии¹ Юрия Левинга на этот раз оказалась посвященной О.Э. Мандельштаму, точнее – одному-единственному его стихотворному тексту: «Не мучнистой бабочкою белой...» (НМББ) (21 июля 1935 г. – 30 мая 1936 г²), замыкающему «Первую воронежскую тет-

---

* *Маньковский Аркадий Владимирович – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института научной информации по общественным наукам РАН. Москва, Россия*

Mankovskiy Arkadiy Vladimirovich – PhD in Philology, leading researcher of the Institute of Scientific Information in Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

¹ См.: Левинг Ю. Вокзал – Гараж – Ангар : Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. – 400 с. : ил.

² Несмотря на то что датам создания стихотворения в рецензируемой книге отведен целый раздел («Датировка, разночтения» (с. 53–64)), полная ясность в этом вопросе отсутствует. В одном месте сказано, что стихотворение писалось «более года»

радь». Впрочем, еще точнее, Мандельштаму и его стихам посвящены лишь первая часть – «“Не мучнистой бабочкою белой...” Осипа Мандельштама: (Опыт комментария)» и вступительные разделы книги; вторая часть – «Латентный Эрос и небесный Сталин: о двух антологиях советской “авиационной” поэзии» – практически без изменений воспроизводит текст статьи, опубликованной в свое время в «НЛО»¹, и к Мандельштаму не имеет почти никакого отношения (его имя упоминается здесь два или три раза). Хотя могла бы (иметь) – ведь в сборнике «Лёт» (1923), одной из разбираемых в статье антологий, был опубликован «авиационный» триптих Мандельштама: «Ветер нам утешенье принес...» (1922), «Как тельце маленькое крылышком...» (1923) и «А небо будущим беременно...» («Опять войны разноголосица...») (1923, 1929)². Эти стихи, однако, ни в статье, ни в рецензирующей книге даже не упоминаются, если не считать общих слов о том, что «Мандельштам внес свою лепту» в указанный сборник (с. 19) и что в нем было опубликовано «его собственное произведение» (с. 111)³.

«Поэзию в мeртвой пeтле» можно назвать трудной книгой – трудной как для ее автора, так и для читателя. И таким же трудным, по-видимому, было для Мандельштама создание текста НМББ –

(с. 53), в другом – «девять месяцев», вплоть до 30 мая 1936 г. (с. 84); значит, оно было начато в июле 1935 г. Но выше говорится, что «ядро стихотворения оформилось к 19 июля 1935 года» (с. 54), а работа над ним была начата в апреле-мае 1935 г. (с. 65–66). Наконец, еще в одном месте указывается дата 21 августа 1936 г., соотносящая работу над НМББ со столетней годовщиной написания «Памятника» Пушкина (с. 90). Учитывая все это, продолжаем придерживаться привычной датировки.

¹Юрий Левинг. Латентный Эрос и небесный Сталин: о двух антологиях советской «авиационной» поэзии // Новое литературное обозрение. – 2005. – № 6. – С. 143–172. – URL : <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/6/latentnyj-eros-i-nebesnyj-stalin-o-dvuh-antologiyah-sovetskoj-aviaczionnoj-poezii.html> (дата обращения: 29.04.2021).

²См., напр., ст. М. Пироговской «Гроза и стрекоза: об “авиастихах” Осипа Мандельштама» («Сохрани мою речь...» // Статьи и исследования. – М. : РГГУ, 2008. – Вып. 4. [Ч. 2]. – С. 557–562. – (Записки Мандельштамовского общества)), упоминаемую Ю. Левингом с неодобрением за фигуру умолчания в отношении НМББ (с. 189, прим. 41).

³Видимо, имеется в виду триптих в целом, так как «произведений» все же три (композиция текстов не соответствует окончательной редакции, а в стихах имеются разночтения; но это специальный вопрос).

«очень долго становившихся стихов»¹, которые Ю. Левинг, восслед другим исследователям (см.: с. 189, прим. 40), считает подступом к «Стихам о неизвестном солдате» (1937) – «первой вспышкой будущего текста, высыпившей круг эксплицитно развитых позднее мотивов и образов» (с. 50). Ю. Левинг высказывает предположение, что творческая энергия поэта («Его поэтическое сознание в процессе творчества сравнивали с работающим мотором» (с. 10)) уходила «на преодоление сопротивления среды – как на борьбу с инерцией тоталитарного новояза, так и в какой-то мере на сознательное торможение самим автором восприятия окружающими его поэтиками, чуждой эстетики соцреализма» (с. 11)². В другом месте, используя ту же «летнюю» (и «техническую») метафору, Ю. Левинг говорит о преодолении поэтом «сопротивления материалов» еще определенное: «В стихах воронежского периода – это преодоление самого “жесткого воздуха” современности, попытка деформации Мандельштамом собственного мировоззрения, которое он попытается уложить в прокрустово ложе советской идеологии» (с. 23). НМББ – одна из таких попыток.

Причиной, по которой предлагаемая читателю книга превратилась в «долгострой» (к ее сюжету Ю. Левинг подступался «еще в начале 2000-х» (с. 9)), сам автор считает невозможность решить «главную загадку, вокруг которой строится фабула исследования: состоялись ли похороны летчиков (которые, по-видимому, составляют сюжет НМББ, хотя тут можно спорить. – А. М.), и если да, то чьи именно тела пронесла траурная процессия под окнами поэта предположительно в 1935 году?» (там же). Речь идет о гипотезе, основанной на мемуарных свидетельствах Н.Я. Мандельштам³, о том, что «непосредственным толчком к написанию НМББ послужила похоронная

---

¹ Мандельштам Н.Я. Третья книга : [Воспоминания] / подгот. текста, прим. Ю. Фрейдина. – М. : Аграф, 2006. – С. 362.

² Речь, очевидно, идет о сознательном «шифровании» текста поэтом, отбрасывании его «ключа» (см., напр.: Гаспаров М.Л. «За то, что я руки твои...» – Стихотворение с отброшенным ключом // Гаспаров М.Л. Избранные труды. – М. : Языки русской культуры, 1997. – Т. 2. – С. 187–196).

³ Мандельштам Н.Я. Комментарии к стихам 1930–1937 гг. // Жизнь и творчество О.Э. Мандельштама: Воспоминания. Материалы к биографии. «Новые стихи». Комментарии. Исследования. – Воронеж : Изд-во Воронежского ун-та, 1990. – С. 262, 263. См. также в: Мандельштам Н.Я. Вторая книга : к столетию со дня рождения. – М. : Согласие, 1999. – С. 480.

процессия в Воронеже погибших летчиков-испытателей, уроженцев города, которую Мандельштамы будто бы наблюдали из окон своей комнаты» (с. 65). Однако эта версия «не подтверждается документально: факт крупной аварии, связанный с воронежским авиапромом, не отражен ни в местной, ни в столичной официальной прессе. <...> Умолчание в областной газете (им. в виду «Коммуна». – А. М.) о таком событии представляется невозможным на фоне сообщений о других катастрофах всесоюзного значения летом 1935 г.» (с. 65) (в частности, о гибели подводной лодки Б-3 в Финском заливе (с. 52)). Сопоставив возможные варианты, Ю. Левинг констатирует, что «в качестве объяснения «мнимого свидетельства» приходится рассматривать психологическую мотивировку как сознательную попытку вдовы придать поэту статус очевидца, важный для первоначального импульса к сочинению НМББ – стихотворения, которым сам Мандельштам в конце концов остался недоволен, считая его концовку¹ (почему именно ее? – А. М.) проявлением политического конформизма» (с. 66).

Анализируя НМББ в первой части книги, автор последовательно и методично фиксирует внимание на сюжете стихотворения, его датировке, разночтениях, истории создания текста, проблеме посвящения, подтекстах и прочих аспектах. Материал распределен по девяти разделам (большую их часть мы только что перечислили), причем последний – «Подтексты и комментарии» (с. 90–147) – представляет собой построчный комментарий к стихам, состоящий из 20 подрубрик, – по числу строк анализируемого стихотворения, почти каждой из которых отведено от одной до пяти страниц (большинству – не менее двух и только 17-й строке – «И зенитных тысячи орудий» – полстраницы).

Жанр построчного (постихового) комментария требует особого мастерства: надо не только сказать все необходимое (а в случае с НМББ – максимум возможного) о каждом стихе, но и увязать сказанное с целым, чтобы не потерять нить повествования. Полагаем, что Ю. Левингу этот опыт, подобный совершению фигур высшего пилотажа (в том числе пресловутой «мертвой петли»), вполне удался. Остановимся на некоторых, наиболее любопытных, с нашей точки зрения, наблюдениях автора. По поводу первого стиха: «Не мучнистой

---

¹ Речь о последней строке: «Кто же будет продолжать за них?» Цит., как и все остальные строки НМББ, по: (с. 49).

бабочкою белой». Ю. Левинг считает, что здесь имеется в виду не «прозаическая капустная белянка», которую видел всякий, а «крушинница мучнистая (*Gonepteryx farinosa*) из того же семейства» (с. 91), за которой Мандельштам наблюдал во время поездки на Кавказ и описал в «Путешествии в Армению» (1933). «Передние крылья у самцов крушинницы на верхней стороне покрыты оттопыренными чешуйками, которые производят эффект мучного налета» (с. 91). Ю. Левинг полагает, что «во время армянского вояжа в сознании Мандельштама возникла символическая связь между ритуализацией смерти и торжественной окраской бабочки, а также некоторыми анатомическими особенностями чешуекрылого (усики, напоминающие возлагаемые на гроб украшения). Именно этот смысловой мостик маркирует начало апофатической конструкции НМББ» (с. 91–92).

Значимым для анализа образной ткани стихотворения представляется замечание по поводу стиха 7 («Возгласы темно-зеленой хвои»): «Какой именно звук должен мысленно воспроизвести читатель НМББ, подсказано собственно формой венка: круг из хвои и окружность колодца иконически воспроизводят начертание буквы “О” (к тому же ударного звука в словах *возгласы* и *хвои*)» (с. 104). Это замечание получает дальнейшее развитие в комментариях к стихам 8 («С глубиной колодезной венки») и 11–12 («Обручи краснознаменной хвои, / Азбучные, круглые венки»), а также отчасти в последующих строках стихотворения (см. ниже). По мнению Ю. Левинга, «диаметр колодезной шахты – еще один заполненный темнотой круг в тексте НМББ» (с. 106) (хотя, напр., деревенские колодцы изначально имели – и кое-где до сих пор еще имеют – квадратную или прямоугольную форму), а «замкнутая форма круглого венка миметически подражает циклическому устройству всего стихотворения» (с. 107) (разве не наоборот: стихотворение своей композицией «подражает» форме венка, ориентировано на нее?). «Слово “обруч” (в стихе 11. – *A. M.*) синонимично венку и одновременно является иконической репрезентацией “О”» (с. 118), а также цифры 0 – по словам Ю. Левинга, «в силу своей изоморфности знак и символ использовались в русской поэзии 1930-х годов для репрезентации смерти как своеобразного “обнуления” бытия» (с. 119). Вообще же – «обручи, круги, кольца, венки образуют <...> пустоты, на которых держится образная ткань НМББ» (с. 117). «Ощущение “воздуха” в тексте, – продолжает исследователь, – нагне-

тается грамматическими средствами за счет увеличения количества существительных и сокращения глаголов действия (соотношение в НМББ – 32 : 7). Обилие повторов, а также слова в рифменных позициях (первая и вторая строфы: “тело // тело”; “хвои // хвои”; “венки // венки”; троекратно повторенное “люди” в четвертой строфе) усиливают тавтологический эффект плетения словесного кружева» (с. 117).

Почему венки «азбучные» (стих 12), вроде бы понятно само собой («Ленты венков пестрят надписями из “азбучных” сокращений – названий полков, в которых служили погибшие, или организаций, возложивших венок к могиле (РККА, ВКП (б) и т.п.)» (с. 122)). Вся эта конструкция, согласно Ю. Левингу, находит отклик и в образах последующих строк. Так, «еще одна вариация азбучной “О”», возможно, «припрятана» в слове «восклицанья» (стих 16: «Восклицанья ружей на плечах»): «...голова оруженосца (так! – А. М.) служит графическим эквивалентом точки под вертикальным штрихом (= длинный ствол винтовки) в увеличенном знаке препинания»; в этой роли «на ранних этапах книгопечатания, по одной из теорий, использовали комбинацию из двух латинских букв (Jo), затем знак “!” над буквой “о”» (с. 133). Наконец, «еще один круг» появляется в стихе 18 («Карих то зрачков иль голубых –»): «Зрачок, как и отверстие зенитного орудия (в предыдущей строке. – А. М.), представляет собой узкое круглое отверстие» (с. 134), а отсюда возникает «тема посмертного зрения», которая в НМББ становится «инвариантом мотива “говорящих мертвцов” и “живых немых”» (с. 141)¹.

Приведенные соображения (а это лишь малая часть того поистина энциклопедического материала, который развернут в первой части и вступительных разделах книги) сопровождаются «типологиче-

---

¹ Чуть выше автор между прочим говорит о «двуих основных видах коннотаций» (с. 107), закрепившихся в русской поэзии за «венком»: 1) «венок как праздничное украшение» и 2) «венок как обрядовый элемент похоронной церемонии» (с. 108). Кажется, можно указать и на еще одну разновидность – мученический венец, иногда принимающий «вид» лаврового венка – награды поэта (ср. у Лермонтова: «...венец терновый / Увитый лаврами...»). О нем идет речь и в стихотворении «Заблудился я в небе – что делать?...» (9 (?) марта 1937 г.) из «Третьей воронежской тетради»: «Не кладите же мне, не кладите / Остроласковый лавр на виски» (*Мандельштам О. Полн. собр. стихотворений. – СПб. : Академический проект, 1997. – С. 278. – (Новая б-ка поэта)*). И раз уж в первой строфе НМББ поэт говорит о собственных похоронах, то нет ли в подтексте стихотворения еще и этих коннотаций?

скими параллелями» – обильными примерами из стихов современников – от В. Маяковского и Б. Пастернака до А. Адалис, Н. Асеева, С. Кирсанова, а также третьестепенных советских (и не только) поэтов, чьи тексты написаны до 1936 г. (такова методологическая установка исследования) (с. 90).

Что касается второй части книги, то о ней можно было бы сказать все то, что и по поводу ее отдельного издания в виде статьи в 2005 г. (см. выше), так как, за исключением буквально одного изменения в тексте, на последней странице (с. 183), – переноса пассажа, включающего цитаты из статей Н. Бухарина «Черная молния» о гибели самолета «Максим Горький» (Известия. 1935. 20 мая) и безымянного автора «Памяти Вилли Поста» (Известия. 1935. 4 авг.), во вступительную часть (с. 19), да чисто технической перестройки блока примечаний, в соответствии с требованиями книжного издания, – текст этот не подвергся каким бы то ни было изменениям. Даже слово «запоминающаяся», характеризующее текст в целом, в самом его начале, осталось на своем месте (с. 153)¹, – как и последняя фраза, где говорится о «вытесненном в последнее десятилетие (курсив наш. – А. М.) из массового культурного сознания наследия советской поэзии» (с. 183)². Вероятно, следовало бы учесть, что со времени первой публикации в 2005 г. прошло еще 16 лет?

Вместе с тем, как представляется, текст нуждается если не в дополнении, то хотя бы в пояснении: отчего, в самом деле, «авиационный» триптих Мандельштама оказался пропущен? Это кажется тем более странным, что в первой книге Ю. Левинга³ стихи из триптиха (по крайней мере, из стихотворения «А небо будущим беременно...», входящего в него в первоначальной редакции) неоднократно цитиру-

---

¹ Ср.: Новое литературное обозрение. – 2005. – № 6. – URL : <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/6/latentnyj-eros-i-nebesnyj-stalin-o-dvuh-antologiyah-sovetskoy-aviaczionnoj-poezii.html> (дата обращения: 29.04.2021).

² Ср.: там же. – URL : <https://magazines.gorky.media/nlo/2005/6/latentnyj-eros-i-nebesnyj-stalin-o-dvuh-antologiyah-sovetskoy-aviaczionnoj-poezii.html> (дата обращения: 29.04.2021).

³ «Вокзал – Гараж – Ангар» (С.-Петербург, 2004). См. также рец. на книгу: Маликова М. Набоков сегодня : (Обзор новых книг о В. Набокове) // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 6. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/6/nabokov-segodnya.html> (дата обращения: 29.04.2021).

ются, а о цикле в целом, да и о сборнике «Лёт», где он появился, сказаны значимые слова: «Из набора идеологически безукоризненных, но в художественном отношении безнадежно слабых текстов, выделились стихотворения далеких от авиации людей – цикл О. Мандельштама и стихотворение Валентина Катаева «Полет»»¹ (стихи Катаева, правда не во второй, а в первой части рецензируемой книги, цитируются, и им отдается должное (с. 111, 114)). Так что же означает фигура умолчания в отношении мандельштамовского триптиха в новой книге? Неужели все дело в том, что стихи Мандельштама не укладываются в развивающую здесь концепцию «латентного эроса», будто бы пронизывающего сборник? Хотелось бы надеяться, что при переиздании книги, которого она вполне заслуживает, этот досадный пробел будет восполнен.

---

¹ Левинг Ю. Вокзал – Гараж – Ангар : Владимир Набоков и поэтика русского урбанизма. – СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. – С. 369.